

Просыпаюсь от треска вылетевшей форточки. Шпингалет не выдержал напора пурги. Следом кричит разбуженный сын. Он ничего не понимает ни в севере, ни в ветре, ни в военной службе своего отца. Только в молоке и тепле мамы. Он тянется к моей груди, но я игнорирую его и вскакиваю с кровати: новый порыв ветра забрасывает в комнату горсть снега. Наступаю в эту холодную кашичу, когда тянусь к форточке. Хочется плакать. Рев сына сливается с ревом ветра. Еще секунда борьбы с неподдающимся шпингалетом – и я завою вместе с ними. Резкий рывок из последних сил – и в комнате становится тише.

– Тсс, маленький. А-а-а, – подхватываю сына на руки вместе с крошечным пледом. Укутываю плотнее.

В комнате еще долго будет холодно, даже когда пурга утихнет. Продолжая одной рукой качать ребенка, второй тянусь к телефону, оставленному на комод. Обновляю новости. Нервирующая меня надпись все еще в топе местных пабликов: «В связи со сложными погодными условиями принято решение о закрытии кольцевой автодороги, ожидайте дальнейших сообщений и следуйте поступающим инструкциям». Дурацкий канцелярит, который пе-

реводится как «И сегодня не ждите вашего папу дома».

Наш город похож на ромашку или на солнце. Такие вот летние ассоциации в крае вечной мерзлоты. Город – сердцевина цветка. Кольцевая дорога – ободок вокруг нее. Поселки и разбитые дороги к ним – лепестки. А вокруг только неприветливая тундра. Муж уже третий день на одном из этих лепестков, а я гадаю: «Приедет, не приедет, приедет, не приедет...» Еще раз обновляю страничку, будто за минуту что-то могло измениться.

– Сегодня мы с тобой опять одни.

Возвращаюсь в кровать и прижимаю сына покрепче к себе. Он смешно морщит нос и причмокивает губами, чувствуя желанное молоко. Отодвигаю ляжку, подталкиваю его к груди и вздрагиваю, когда он присасывается к ней. У него пока только два зуба, но даже они, как оказалось, могут кусать до крови. Насытившись, он улыбается сквозь сон и выпускает сосок изо рта. Молоко продолжает бежать по моему телу, и я, аккуратно уложив сына между подушками, иду менять майку. Обтираюсь старой, прежде чем кинуть в корзину с грязным бельем. На кухне включаю чайник и на автомате достаю две кружки. Нерешительно верчу вторую, лишнюю, не зная, вернуть ее на место или нет. В итоге оставляю на столе. Пока чайник закипает, набираю номер. Один, второй раз... На третий муж

поднимает трубку. Его «да» пробивается ко мне сквозь шум закипающего чайника и завывающего ветра. Ему, видимо, тоже меня не слышно, потому что он вновь кричит:

- Да! Блин! Не слышу. Что? – Порывы ветра забивают с собой звуки, и о многих словах я только догадываюсь.
- Вы на улице? – тоже кричу. Пугаюсь, что могу разбудить сына, и уже тише повторяю: – На улице?
- Да, откапываем «взлетку». Иначе даже вахта не проедет.

Я вздрагиваю от мысли, что он где-то в тундре в пургу с официально подтвержденной видимостью «ноль метров» машет лопатой. В прошлом году мы месяц лечили его отмороженные уши. Он до сих пор в холодное время морщится, когда дует ветер. Но еще больше дрожу от слов: «Вахта не проедет». Три недели назад из-за такой же закрытой дороги скорая не смогла добраться на один из «лепестков»... «Он там не один, у них есть врач, если что...» – успокаиваю я себя. Не помогает.

- Не буду отвлекать... – и, противореча самой себе, добавляю: – Ты ел?
- Да, норм все. Как вы?

Делаю вид, что поверила, хоть и знаю, что ел только холодную тушенку и печенье «Мария». Сама укладывала их ему в сумку. Хоть бы у кого-то оказался чайник или кипятильник, особенно сегодня, когда вернутся со «взлетки» – единственной асфальтовой дороги, ведущей в часть.

- Все хорошо! – Я вру так же, как и он.

У сына вчера и сегодня утром держалась температура. Ночью он обливался потом и слезами. Обтирала его мокрым полотенцем, не спала и думала: вызывать или нет скорую. Не проедет же. Или доберется к нам, а не успеет к другим... Утром зашла к соседке, взяла лекарства. Свои закончились, а бежать в аптеку с ребенком в такую погоду – самоубийство. Мужу об этом я, конечно, не расскажу.

- Как толь... еду... По...

Ветер владеет нынче всем, даже правом говорить. Его слышно гораздо лучше, чем мужа. Не успеваю ничего ответить, а звонок уже сброшен.

Иду к сыну. Вспоминаю, что хотела попить чай, но возвращаться уже лень. Ложусь рядом с сыном, губами трогаю его лоб. Теплый, но не обжигает, как вчера. Вздыхаю, закрываю глаза и с мыслями о двух пустых чашках на столе проваливаюсь в некрепкий сон. Раз за разом мне чудятся голоса и хлопающие двери в коридоре. Открываю глаза – нет, только ветер-обманщик.

Вновь «шаги». Укутываюсь плотнее в одеяло. Нет, я больше не поведу. В комнате становится холоднее. Во сне я иду по заснеженному лесу, в футболке и коротких шортах. Натякаюсь на ель. Предплечье обжигает свалившимся с нее снегом, иголки царапают щеку, будто колкая щетина...

- Спишь? – раздается сквозь метель голос. – Ну спи. Проснуться или не нарушать свой снежный сон? Гадаю на ромашке, откуда-то взявшейся в руках... Отрываю. Открываю. Улыбаюсь.

